

Чжун Мин поддерживал его, чувствуя на своём плече вес, который то казался настоящим, то вдруг становился призрачным, будто Цзян Синчжи уже не был плотью, а существовал где-то между формой и духом, между игрой и истиной. Чи Юйфэн, стоя у ящика с кровью, задал вопрос с лёгкой улыбкой, словно пробуя воздух перед охотой, но в его глазах читалась не просто любопытство, там горел холодный огонь давней надежды, будто он наконец дождался того дня, ради которого вся его секта хранила древние печати и собирала духовные камни век за веком. — Держатель Лампы... разве вы ничего не чувствуете?

Цзян Синчжи не ответил, только в следующее мгновение резко сжал пальцы Чжун Мина на своём предплечье, сдавливая кожу до боли, чтобы передать сигнал, понятный только им двоим: не теряй бдительности, игра ещё не окончена.

— Ммм... — слегка нахмурившись застонал Чжун Мина.

Звук прозвучал неестественно, почти театрально, но именно так и должно было быть.

Увидев, что и Владыка Лампы, и Держатель страдают, будто скованы невидимыми цепями, Чи Юйфэн незаметно расслабился, его плечи опустились, дыхание стало ровнее, и он медленно отступил назад, сел с достоинством старца, повидавшего века.

— Это древняя кровь феникса.

Тишина повисла над павильоном, как дым после взрыва.

Кровь феникса.

Великая кровь, стоящая рядом с кровью дракона — королей всех духовных существ, сила, способная подавить любой дух, любого зверя, любого потомка древних рас. И если Цзян Синчжи был духом, пусть даже заключённым в лампу, пусть даже достигшим уровня Махаяны, он всё равно считался одним из тех, кто должен покориться, кто обязан склонить голову перед величием первозданной крови, и потому они ждали этого момента — когда древняя сила сама проявит себя, когда дух не сможет сдержаться и вырвется наружу, чтобы их формации могли зафиксировать его истинную природу, чтобы они наконец узнали, откуда он пришёл и кем был до того, как стал лампой.

Цзян Синчжи понял их замысел с первой же фразы.

Он опёрся на стол, будто пытался устоять, тихо стонал, дрожал, схватился за грудь, как будто сердце его сжимали железными пальцами. Когда он почувствовал, как формационный массив где-то в глубине павильона активизируется. Энергия всплеснула, как рыба в тихой воде, готовясь к решающему движению, и в нужный момент рванул на себе одежду, издав хриплый, полный боли звук.

— Унгх...

Он обрушился на плечо Чжун Мина, позволяя всем поверить, что его дух сломлен, что он больше не хозяин своей судьбы, что кровь феникса действительно оказывает на него влияние, хотя на самом деле он лишь наблюдал за происходящим сквозь призму игры, как актёр, смотрящий на зрителей из-за кулис.

Но едва только Чжун Мин успел чуть опустить взгляд, как эта тяжесть исчезла без следа, будто тело Цзян Синчжи растворилось в воздухе, и вместо него из его груди, сквозь ткань одежды, медленно выплыл полупрозрачный образ. Дух, тонкий, как дым, но с ясными чертами лица, с тем же насмешливым изгибом губ, с тем же светом в глазах, который видел только тот, кто знал его давно и глубоко, беззвучно, без колебаний, скользнул внутрь хрустальной лампы и растворился в её свете, словно возвращался домой после долгого странствия. Никто не сказал ни слова, все замерли, как будто время остановилось, как будто сама реальность замерла в ожидании следующего шага.

— А.

Чжун Мин произнёс это односложно, голос его звучал абсолютно равнодушно, но в следующее мгновение из его тела вышел второй дух — ещё более призрачный, почти невесомый, как воспоминание о сне, и последовал за первым, скользнув в лампу, как капля воды в озеро, исчезнув без шума, без следа, будто его никогда и не было. На мгновение воцарилась тишина, слишком глубокая, чтобы быть естественной, слишком полная, чтобы быть случайной, и только тогда кто-то в группе моргнул, кто-то перевёл дыхание, но никто не задал вслух того вопроса, что повис в воздухе: «Почему Держатель Лампы тоже вошёл внутрь? Разве он не должен был остаться здесь, управлять всем, направлять процесс?»

Но они так долго ждали, что даже не заметили, как сами стали частью чужой игры, как их план, их формации, их древняя кровь оказались лишь фоном для чего-то большего, и потому никто не остановил их, когда ящик с кровью феникса внезапно захлопнулся со щелчком. Чи Юйфэн прижал его к груди, как будто боялся потерять, двое старейшин шагнули вперёд, взяли пустую, слегка пульсирующую светом лампу. Барьер вокруг павильона распался.

Группа быстро, но организованно двинулась в сторону глубин павильона, где среди скал виднелась узкая тропа, ведущая вниз, в запретные уровни. Они двигались так согласованно, будто бы всё шло по плану, только вот только чей это был план?

Внутри хрустальной лампы душа Цзян Синчжи закружилась, словно в танце, огибая Чжун Мина с нескрываемым изумлением и детской игривостью:

— Это у тебя первый раз, когда ты обитаешь в чем-то материальном?

Чжун Мин стоял чуть в стороне, его образ был чётким, как отражение в зеркальной глади воды, а голос — спокойным, лишённым малейшего следа волнения:

— Всё-таки я не настолько скучно живу.

Цзян Синчжи лишь рассмеялся и увеличил скорость вращения, так что поток духовного воздуха заставил даже призрачную форму Чжун Мина слегка вздрогнуть. Он кружился, как вихрь, с лёгкой насмешкой в голосе:

— Посмотри, какое интересное ощущение~

Глубокий голос, полный сдержанного предупреждения, прозвучал в пространстве лампы, будто удар по колоколу:

— Цзян Синчжи.

Тут же их внимание переключилось на внешний мир. Группа достигла массивного каменного зала, вырезанного в недрах горы, и наконец остановилась. Искусственный дух, заключённый в лампу, замер, как будто понимал, что сейчас начнётся нечто важное.

Двери зала медленно распахнулись, стражи остались снаружи, будто сами не имели права входить в это святилище. Два старейшины бережно опустили лампу и вошли внутрь вслед за Чи Юйфэном. За ними двери плотно закрылись, и в зале повисла тишина, наполненная ожиданием.

Цзян Синчжи удобно устроился внутри лампы, наблюдая за происходящим через её светящиеся стенки. В центре зала возвышалась шестигранная платформа, на которой располагался круглый бассейн с водой. На дне виднелись сложные уже активированные формационные рисунки, тонкие линии мерцали тусклым синим светом, как жилы древнего существа. Кроме двух старейшин, сопровождавших Главу Павильона, здесь уже ждали ещё четверо — все в строгом порядке, как будто готовились к ритуалу, повторяемому раз в тысячу лет.

— Пора, — тихо сказал Цзян Синчжи, обращаясь к Чжун Мину.

Не теряя ни мгновения, он мысленно покинул лампу и переместился в левую часть одного из фонарей в виде цветущих лотосов у стены, где и обрёл временное пристанище.

Чжун Мин без промедления последовал за ним, заняв правую половину фонаря.

С изменением точки зрения картина зала стала намного яснее. Они смотрели сверху, как боги со своего трона, наблюдая за смертными, играющими с силами, которых не понимают.

Под руководством Чи Юйфэна старейшины осторожно поместили хрустальную лампу прямо в центр бассейна. Шестеро мастеров заняли позиции у каждого угла шестигранника, подняли руки, сформировали печати и начали тихо, но чётко произносить заклинания. Энергия в зале начала сгущаться, как туман над болотом.

Чи Юйфэн встал во главе процесса. Очевидно, опасаясь, что не сможет полностью подчинить могущественного древнего духа, он принял дополнительную меру предосторожности, открыв нефритовый сосуд с кровью феникса.

Едва крышка приподнялась, как по залу разлилось священное давление, тяжёлое, как гора, сминающее дух любого, кто не был достоин.

А лампа, стоявшая в бассейне, оставалась неподвижной, будто испуганная курица. Ни вспышки света, ни колебаний энергии ... только тишина и абсолютное послушание перед кровью короля птиц.

На своём насесте Цзян Синчжи с интересом наблюдал, как эти великие мастера Павильона Циньфэну с почтением и торжественностью проводят ритуал очищения духа и омовения костей... для обычной стеклянной лампы, купленной на базаре у Ассоциации купцов Цюйчжоу.

— Они действительно относятся к этому серьёзно, — пробормотал он.

— Мм-хм, — отозвался Чжун Мин.

— Да они даже добавили столетний линчжи! — продолжал Цзян Синчжи, едва сдерживая смех.

— ...Мм-хм, — повторил тот, без тени эмоций.

Пока шесть старейшин внизу пели заклинания, Чи Юйфэн время от времени бросал в воду редкие ингредиенты — духовные травы, порошки из нефрита и капли крови редких зверей. Всё ради «очищения» того, что было всего лишь красивой подделкой.

Ящик с кровью феникса стоял на ближайшем столе, открытый. Ритуал нельзя было прерывать, стражи были снаружи, а сам Чи Юйфэн был полностью погружён в «подчинение» Владыки Лампы, и потому не заметил, как за его спиной начинается настоящая игра.

Цзян Синчжи бросил взгляд на алую каплю в сосуде, глаза его блеснули:

— Думаешь, это настоящая кровь?

Не успел он договорить, как капля исчезла из сосуда и появилась перед Чжун Мином, словно никогда и не была там.

— Настоящая или нет, — произнёс он, — но вреда от неё точно не будет.

С этими словами он направил божественное сознание, сжал каплю и одним движением перенёс её в красную духовную жемчужину, которую Цзян Синчжи носил при себе:

— Храни.

Цзян Синчжи замер.

—

Затем почувствовал, как уголки губ Чжун Мина чуть приподнимаются.

— Не все преступления могут остаться безнаказанными, — тихо сказал он.

Цзян Синчжи коснулся жемчужины, где теперь пульсировала капля крови феникса, и медленно покачал головой:

— В этом мире так не хватает таких законопослушных граждан, как ты.

Павильон Циньфэну плел заговор против них. Их «очищение духа» ничем не отличалось от кражи души. Было справедливо, что Бай Му решил взять что-то взамен. Но он не ожидал, что тот без малейшего колебания отдаст ему столь бесценную вещь.

— Почему бы тебе не оставить это себе?

— Чтобы защитить твоё хрупкое тело от болезней и бедствий, — ответил Чжун Мин, как будто это было очевидно.

Цзян Синчжи снова замолчал.

Затем, с лёгкой улыбкой, он снял каплю воска с верхушки светильника, окрасил её до цвета крови с золотыми прожилками, добавил отпечаток своей истинной сути и одним щелчком отправил обратно в сосуд:

— Давай доведём дело до конца.

Чжун Мин чуть приподнял бровь:

— Восковую подделку?

— Обе силы древние, — парировал Цзян Синчжи, — особой разницы нет.

Пока они молча «пересаживали цветы и соединяли ветви», как говорится в старой поговорке, ритуал внизу завершился.

Шесть старейшин отступили от платформы, освободив бассейн. Вода в нём из прозрачной превратилась в тёмно-синюю, почти чёрную, с плавающими на поверхности остатками духовных веществ — символами «очищенного» зла.

— Очищение духа и омовение костей не прошли для Павильона Циньфэну совсем уж без пользы. — С легкой иронией произнёс Чжун Мин.

Цзян Синчжи повернул к нему голову:

— Что же они получили?

Уголки губ Чжун Мина чуть дрогнули.

— Полированную стеклянную лампу.

Цзян Синчжи замер.

— ...

Он внимательно посмотрел на него, и впервые осознал, что этот человек, казалось бы холодный и сдержанный, говорит с едва уловимой, но постоянной саркастической нотой, как будто весь мир для него лишь театр абсурда, в котором он единственный зритель, понимающий, что всё на сцене фальшь.

Внизу Чи Юйфэн уже ступил на каменную платформу. Он поднял руку, взял лампу, которая теперь сияла, как зеркало, будто действительно прошла через нечто великое, лицо его было полно плохо скрываемого восторга.

«Отныне, — подумал он, — сила Владыки Лампы будет принадлежать мне!»

Старший старейшина шагнул вперёд и произнёс торжественно:

— Почтительно просим Главу Павильона продемонстрировать силу Владыки Лампы!

Чи Юйфэн глубоко вдохнул, кивнул и под подобострастными взглядами всех присутствующих высоко поднял хрустальную лампу к потолку.

— Яви себя, Владыка Лампы!

<http://bllate.org/book/15487/1373258>